

На вопрос Баки, что будет с ними, если позволения в круге Драконьих зубов они не дождутся, друид только мрачно насупился и не ответил. Баки запомнил его лицо — острые скулы в отсветах очага, тёмные-тёмные глаза. Он выглядел, словно готов был рискнуть хоть сейчас. И эта мысль рвала Баки на куски, а затем складывала как попало, перемешанным. Стив был готов пойти на это, попробовать, чем бы для него ритуал ни закончился. Он хотел большего, чем просто отдать себя — хотя Баки чувствовал, видел своими глазами, как непросто ему далось воздержание и отказ, особенно когда Стив уже держал ладонь на его налитой плоти. И каждый день, занимаясь делами, всё такой же мятущийся, Баки думал, как же просто и в то же время сложно — осуществить задуманное. Взять друида в круге — уже не просто соитие для удовлетворения похоти. Это великое, соглашение — и согласие, не только между ними двумя, а между ними и Богиней. Это будет обряд, о последствиях которого никто не может сказать заранее. И не то чтобы Баки раньше боялся обрядов или гнева Богини. Он всегда почитал Её и считал, что ничем не обидел ни тот, ни иной Её лик. Однако же участие наравне с друидом волновало, вселяя в душу прежде незнакомую неуверенность.

Так они и тянули — в каждодневных заботах, порой не видя друг друга по несколько дней, порой — едва ли перекидываясь словом. Сколько раз Баки тянулся к нему, не задумываясь — но после того, что предложил Стив, не мог закончить движение. Не мог коснуться, не решался нарушить это неустойчивое молчаливое равновесие между ними. И Стив, даже стоя спиной, каждый раз замирал, словно задерживая дыхание — в предчувствии прикосновения — и шумно выдыхал, когда Баки убирал руку, не дотрагиваясь. Слово... мог сорваться, если Баки решился бы. Или наоборот, ушёл бы совсем? Взъерился бы, оставив его, неуёмного, одного?

Дни шли за днями, рассветы сменялись алыми закатами, окрашивающими погустевшую листву крон и воды озера в багряные цвета крови. Баки так и не решался — жил, словно спал.

А потом Стив пропал.

Баки даже не сразу понял это — тот ушёл до рассвета, а вечером Баки так устал, что не стал его дожидаться, забрался под шкуру и тёплый бок Хъялги, и заснул. Но наутро проснулся с тревогой такой силы, что не мог даже думать. Из чащи леса, с той стороны, где лежала едва намеченная тропинка к логову Алой Ведьмы, прибежала скулящая Хмага. Волчица дрожала, словно занимался не тёплый весенний денёк, а лютый промозглый вечер перед Самхейном. Она забилась в землянку под шкуру друида и не казала оттуда носа, пока Баки сидел, вцепившись в холку Хъялги, и смотрел перед собой.

Затем он поднялся, крепко сжал и разжал кулак. Подобрал из вороха выструганных копий одно любимое, уже отполированное поперёк мозолистой ладонью, — и пошёл по тропинке в еловый лес. Он не ждал, но оба волчонка в конце концов порысили за ним.

Если Стив там, если Алая забрала его — ей несдобровать. Богине ли, ведьме... он не отдаст друида. Он сможет метнуть копьё издалека, и чары её не подействуют так сильно, как это бывало обычно при их редких встречах. Хватит ей одного скелета на ложе.

Баки шёл сквозь лес весь в своих мрачных думах, и сам не понял, как вышел в подлесок, из которого открывался вид на пологий холм — Стив называл его Керриг-Уну-Гойдвиг, — где

каменные кривые исполины, торчавшие из изумрудных луговых трав, походили на чёрные зубы давно умершего дракона. Он не сразу узнал место, потому как сейчас внизу, перед холмом, сложены были большие костры, пока ещё не горевшие. Другие, помельче, были устроены меж стоящих камней — Баки не взялся считать, но в каждом промежутке был наложен валежник для будущего костра. Среди них, как лесная тень, бродил... друид. Босоногий, растрёпанный, в одной рубахе-лейне, не понятно, гревшей ли его хоть немного.

От облегчения Баки выронил копье и оперся о ближайшее дерево. Живой, в порядке. Ну что за дурень этот мальчишка-друид! А потом словно судорога прошла по хребту. Костры. Бельтэйн. Сегодня ночь Бельтэйна, вот где пропадал Стив столько времени — и ведь не обмолвился ни словом, не просил помощи... Как же он сам, в одиночку подготовил всё это?

Подошедшие волки заскулили. Ответом стала вторая фигура, появившаяся вдруг из-за большого серого камня. Простоволосая, в такой же рубахе, едва ли закрывавшей колени — Алая Ведьма. Она что-то сказала Стиву, и тот кивнул, сам пребывая в каком-то оцепенении. Алая подошла к камню в центре круга, вскинула руки так, что лохмотья серого цвета, в которые была обёрнута её тонкая фигурка, взметнулись следом. Она медленно, словно это было невероятно тяжело, притиснула руки к мшистому каменному боку и вдруг... запела. Баки вдохнул и забыл, как выдыхать. Стив обошёл камень с другой стороны и так же медленно, преодолевая невидимое сопротивление пустоты, приложился руками к его боку. Они чуть раскачивались в ритм мелодии, что чисто, сильно выводила голосом Ванда — и тут Баки услышал второй голос — словно чужой, но и настолько же родной, давно забравшийся под кожу. Мелодия эта словно была знакома — Баки слышал очень похожую в далёком детстве, ещё когда бабка была жива и брала его с собой, обходя запреты родителей, в ночь Бельтэйна. Они ходили смотреть на костры, взвивающиеся, Баки помнил, до небес. Тогда он впервые увидел, как жрица Богини отдаётся своему избраннику в круге камней, в кольце огня. Он помнил, как действо сожгло его, семилетнего мальчишку, дотла. А бабка стояла рядом, огонь отражался в посветлевших глазах, и она пела — вторила звучащей песне, чуть шевеля губами. Когда Баки, сгорая со стыда и жара внутри, спросил, что они делают, бабка ответила — начинают новый круг жизни. Он, конечно, ничего не понял. Среди мальчишек это называлось «любить» или «сношаться», рано или поздно каждому из его друзей перепала возможность подглядеть за взрослыми играми. В круге же происходило иное... что он не мог ни понять, ни осознать в тот миг. Не отдавая себе отчёта, Баки, повзрослевший на год, со сладким замиранием сердца ждал следующего Бельтэйна, и что бабка снова возьмёт его с собой. Но за пару лун до праздника она умерла, и Баки горевал сильно, убегал за стены замка и предавался слезам — так, чтобы никто не видел. Больше туда, в лес, к кругу камней никто его с собой не брал — ритуалы считались привилегией взрослых. Когда Баки подросток ещё немного, то успел распробовать и женское тело, и мужское; острота воспоминания поблекла: таинственность и непостижимость ритуала затянулись туманом памяти, а у тех костров, что зажигали приглашённые родителями друиды во дворе замка, никто, к его досаде, не совокуплялся. Зато вереницей вели меж огня скот, несли мешки с оставшимся с зимы зерном, несли на руках больных детей и стариков. Баки помнил всё. Но не помнил, чтобы кто-то снова пел чарующую, зовущую песню после того первого раза в лесу.